

Е.К.Березина

Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты

В статье рассмотрены концептуальные основания российской «мягкой силы» и особенности публичной дипломатии в контексте отношений со странами Латинской Америки. Проведен сравнительный анализ представленности официальных и неофициальных институтов на наличие информационных ресурсов и аккаунтов в социальных сетях по продвижению российской публичной дипломатии в Латинской Америке. На примере Венесуэлы было выявлено, что Россия активно использует и развивает экономическое направление публичной дипломатии в контексте «мягкой силы». Автор приходит к выводу, что в целях повышения эффективности публичной дипломатии в Латинской Америке России необходимо более активно представлять неофициальные институты на информационных ресурсах и в социальных сетях. При этом автор утверждает, что в связи с пандемией *Covid-19* существует значительный потенциал по продвижению «дипломатии вакцины» и развитию научного направления публичной дипломатии России в странах Латинской Америки.

Ключевые слова: *COVID-19*, многополярность, «мягкая сила», публичная дипломатия.

DOI: 10.31857/S0044748X0015181-8

Статья поступила в редакцию 23.03.2021.

На сегодняшний день, несмотря на глобальные вызовы, связанные, в первую очередь, с пандемией *COVID-19*, нестабильностью международных процессов в силу неблагоприятной политической обстановки и информационного противостояния с западными странами, Россия продолжает поддерживать и развивать отношения с латиноамериканскими странами. В настоящее время Латинскую Америку можно рассматривать в качестве формирующегося полюса новой системы международных отношений. В этом контексте представляется верной позиция отечественных экспертов,

Елизавета Константиновна Березина — ведущий специалист Центра международной проектной деятельности Управления международного сотрудничества СЗИУ РАНХиГС; Северо-Западный институт управления (СЗИУ РАНХиГС) (РФ, Санкт-Петербург, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8361> berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta95@mail.ru).

полагающих, что регион переживает переходный период, во время которого «формирование собственных региональных интересов и региональной идентичности, обретение собственного латиноамериканского голоса в международных организациях и проектах межрегионального сотрудничества создают предпосылки для восприятия Латинской Америки в качестве актора нового мирового порядка и одного из центров многополярного мира» [1, с. 58]. В настоящее время Россия стремится выстраивать отношения с латиноамериканскими государствами в духе многополярности на основе реализации конкретных военно-политических и экономических интересов [1, с. 55]. Это взаимодействие включает в себе ряд моделей — от прагматичного сотрудничества до союза с антиамериканскими настроенными странами с целью конструирования многополярности [1, с. 56]. В целом российская внешняя политика в отношении Латинской Америки строится на принципе деидеологизированности, а именно, как отмечает российский дипломат Александр Валентинович Щетинин, — на прагматичных подходах, и не направлена против кого-то [2, с. 42].

В настоящее время латиноамериканский регион не занимают ведущего положения в системе региональных приоритетов внешней политики РФ. Тем не менее у сторон, во-первых, существуют точки соприкосновения касательно международных процессов и глобальных вопросов. Во-вторых, Россия и государства Латинской Америки разделяют принцип многополярности и признают центральную координирующую роль ООН в мировых делах. В-третьих, в латиноамериканских странах до сих пор существуют крупные русские диаспоры, к членам которых местные правительства относятся с уважением.

Продвигая концепцию многополярности, РФ во внешней политике стремится к консолидации связей с латиноамериканскими партнерами в рамках международных и региональных форумов, к расширению сотрудничества с многосторонними объединениями и интеграционными структурами Латинской Америки [3]. Такая оценка позиции Москвы дается исследователями из Северо-Западного института управления РАНХиГС Елизаветой Березиной и Андреем Торопыгиным [4] и из СПбГУ Александрой Коваль [5]; развивается концепция трансрегионального взаимодействия между Россией и латиноамериканскими странами. Глобальный вызов пандемии сформировал новую международную реальность, отразилось на современной политической карте мира. Во многом речь идет об усилении информационно-коммуникационных средств взаимодействия государств на мировой арене, возможностей и механизмов цифровизации и гуманитарного сотрудничества. Латиноамериканские страны одними из первых выразили желание получить и производить российскую вакцину «Спутник V». В перспективе это можно рассматривать как усиление российской «мягкой силы» в области научно-исследовательского взаимодействия с государствами региона, а, следовательно, и развития нового направления публичной дипломатии [4, с. 55].

Следует отметить, что вопросы, касающиеся институтов российской публичной дипломатии в Латинской Америке, практически не изучены. Необходимо в целом выявить концептуальные основания российской публичной дипломатии и проанализировать ее эффективность в латиноамериканском направлении на основе сравнительного анализа официальных и

неофициальных институтов на наличие информационных ресурсов и аккаунтов в социальных сетях. Данная статья состоит из двух разделов. Первый посвящен актуальному теоретическому раскрытию феномена российской публичной дипломатии через призму концепции «мягкой силы», второй — исследованию эффективности российских официальных и неофициальных институтов публичной дипломатии на латиноамериканском направлении.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Возникновение публичной дипломатии стало возможным благодаря процессу глобализации, ослаблению государственного контроля над СМИ, связанному с активным внедрением новых технологий, и возрастающей роли негосударственных акторов в международных отношениях [6, р. 291]. Понятие «публичная дипломатия» было сформулировано в 60-х годах XX в. Эдвардом Галлионом, деканом Школы права и дипломатии Флетчера Университета Тафтс и основателем Центра публичной дипломатии Эдварда Р.Мюрроу [7, с. 23]. Под классическим определением публичной дипломатии понимаются «средства, с помощью которых правительства, частные компании и отдельные личности влияют на отношение к ним и мнения других людей и правительств таким образом, чтобы повлиять на их внешнеполитические решения» [8, р. 65]. Однако в широкий оборот этот термин вошел в 90-х годах XX в. после того, как американский исследователь Джозеф Най сформировал свою концепцию «мягкой силы» [9, р. 539]. По мнению исследователя, публичная дипломатия является неким инструментом «мягкой силы», используемой правительствами в целях мобилизации своих ресурсов для коммуникации и привлечения общественности другой страны, а не только их правительств. Публичная дипломатия пытается привлечь внимание, обращаясь к этим потенциальным ресурсам через телевидение, субсидируя культурный экспорт, организуя обмены и т.д. Если содержание культуры, ценностей и политики страны не привлекательно, то публичная дипломатия, которая «транслирует» их, не может произвести «мягкую силу» [10, р. 95]. В этом контексте публичная дипломатия является коммуникационным инструментом «мягкой силы», обеспечивающим внешнеполитические интересы государства.

В российском контексте термин *public diplomacy* переводится как «публичная дипломатия», «общественная дипломатия», «народная дипломатия» [11, с. 5]. Однако, несмотря на близкое сходство, между этими понятиями существуют различия. Важным признаком публичной дипломатии является то, что она реализуется через официальные каналы и направлена на экспертную аудиторию, таким образом представляя собой второй уровень сотрудничества после классической, межправительственной дипломатии [12, с. 155].

Согласно подходу российского политолога Марины Лебедевой, выделяются два канала воздействия публичной дипломатии — официальный и неофициальный. Первый реализуется через выступления официальных лиц в СМИ, с публичными лекциями, в социальных сетях и т.п. Второй — через неправительственные организации (НПО), фонды, образовательные программы, женские и молодежные организации, университеты и т.д. [13, с. 9].

Исследователи Александр Сергунин и Леонид Карабешкин трактуют российскую интерпретацию «мягкой силы» как инструменталистскую и прагматичную [14]. Релевантным представляется подход данных авторов к изучению российской «мягкой силы» через призму различных концепций политической коммуникации, включая политический брендинг, и связи с общественностью [14, р. 348]. Таким образом, в основе изучения российской публичной дипломатии лежит междисциплинарный подход.

Российские политики трактуют «мягкую силу» как комплекс инструментов и методов, что соответствует определению публичной дипломатии, так как «мягкая сила» — это, прежде всего, концепция (политический курс, ценности и культура) [11, с. 7]. В целом в России сложилась своя специфика интерпретации «публичной дипломатии», которая имеет исторических корни со времен Советского Союза и связана, прежде всего, с общественной (народной) дипломатией.

При сравнении российской и американской публичной дипломатии в Латинской Америке необходимо отметить, что влияние американской модели публичной дипломатии утвердилось в этом регионе уже давно и связано как с историческими факторами, так и геополитическим значением. Российские международники Наталья Цветкова и Виктор Хейфец справедливо отмечают, что публичная дипломатия США в Латинской Америке утвердилась с момента появления Доктрины Монро (1823 г.), и проводят параллель с одобрением президентом США Дональдом Трампом военных операций в Венесуэле в поддержку самопровозглашенного президента Хуана Гуайдо. Соединенные Штаты часто использовали публичную дипломатию или «мягкую силу» не только для защиты своих экономических и политических интересов в Латинской Америке, но и для того, чтобы содействовать развитию региона в разные эпохи [15, р. 2]. Схожей позиции придерживается и Александр Щетинин, приводя пример реформирования национальных элит как инструмента такой политики [2, с. 41].

Особенностью публичной дипломатии США в Латинской Америке стало активное применение цифрового инструментария, что обеспечило популярность североамериканских вещателей. Это позволило Соединенным Штатам распространить свою позицию через многочисленные информационные каналы, в частности, с активным применением «твитов» в период венесуэльского политического кризиса 2018—2019 гг. на фоне относительной слабости сообщений местных СМИ [15, р. 13]. Случай Венесуэлы демонстрирует эффективность американской модели публичной дипломатии на примере активного применения «твитдипломатии», которое может вызывать непредсказуемые последствия в политической жизни.

Кроме того, в отличие от российской системы публичной дипломатии, по мнению эксперта Российского совета по международным делам (РСМД) Натальи Бурлиновой, американская публичная дипломатия обладает системностью, которая включает внешнеполитические институты и механизмы, имеет четкие контуры в рамках Государственного департамента США, и эта структура тесно взаимодействует с частными фондами и аналитическими организациями [11, с. 8].

В настоящее время наибольшей популярностью среди российских исследователей пользуется модель, расширяющая спектр «мягкой силы» за счет таких

компонентов, как привлекательность национальной системы образования (в первую очередь высшего) для граждан других государств [16, с. 170]. Многие латиноамериканцы, получившие образование или долгое время работавшие в СССР и России, являются проводниками наших культурных и политических ценностей, рассказывают своим согражданам о российской культуре, способствуют повышению туристического интереса к нашей стране.

Однако в российском подходе на сегодняшний день не до конца понятно значение и назначение «мягкой силы». Следовательно — и роль ее как инструмента публичной дипломатии. С одной стороны, отечественные политики сосредотачивают свои усилия на продвижении русского языка и поддержки соотечественников за рубежом [17, с. 137]. С другой стороны, для российских теоретиков «мягкая сила» связана с невоенными атрибутами, такими, как жизнеспособная экономика, политическая сила, здоровое общество, устойчивая экология, привлекательная культура и эффективная публичная дипломатия [14, с. 353]. Таким образом, российская школа международныхников предлагает иное, более широкое понимание концепции «мягкой силы», чем дает определение Дж.Найя. Российские теоретики подчеркивают значение и экономических измерений «мягкой силы», хотя они могут также быть эффективны в качестве инструментов «жесткой силы» [14, с. 353]. Так, отечественный латиноамериканист Дмитрий Розенталь признает, что в условиях конфронтации с Западом правительство Николаса Мадуро является для Москвы важным союзником с точки зрения энергетических и экономических интересов, а также близости к границам США [18, с. 57]. Колумбийский ученый Владимир Рувинский придерживается схожей позиции о важной роли энергетического фактора во внешней политике России в Венесуэле (на примере деятельности «Роснефти»). Кроме того, тот факт, что РФ продолжает быть вовлеченной в венесуэльские дела, автор объясняет присутствием в Венесуэле российских компаний, работа которых не связана с энергетическим сектором, а также влиянием российских масс-медиа в этой стране [19, р. 4]. В.Рувинский приводит наглядную статистику усиления влияния российского присутствия: на Первом канале в период с января по октябрь 2019 г. было 256 новостных репортажей и телешоу, связанных с Венесуэлой. Для сравнения: в 2018 г. таких репортажей было всего 34 [19, р. 10]. Аргументы в пользу важности энергетического фактора в российско-венесуэльских отношениях приводят В.Л.Хейфец и Д.М.Розенталь, констатирующие, что для обеспечения интересов российских энергетических компаний в Венесуэле РФ поддерживает контакты и с политическими оппонентами боливарианцев. Впервые это упомянул министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров в сентябре 2017 г. на Генассамблее ООН. По мнению исследователей, публичное обозначение этой информации могло способствовать некоторому снижению напряженности между Кремлем и противниками режима Н.Мадуро [20, р. 67]. Обозреватель американского издания *The Hill* Стивен Бланк признает важную роль Венесуэлы в качестве стратегической платформы для удовлетворения интересов российских экономических и энергетических компаний в других странах Латинской Америки [21]. Таким образом, Россия активно использует инструменты публичной дипломатии в целях

обеспечения своих энергетических интересов и привлекательности внешней политики в Венесуэле.

На сегодняшний день, особенно, принимая во внимание продолжающуюся пандемию *COVID-19*, повышается и расширяются возможности цифрового инструментария, который охватывает все сферы деятельности публичной дипломатии. Проблематика цифровой публичной дипломатии затронута в работах таких авторов, как Наталья Цветкова, Никита Кузнецов [22], Ольга Красняк [23], Ольга Лебедева [24], Аркадий Рябиченко [25], Наталья Бурлинова [11].

Анализируя причины возникновения цифровой дипломатии, О.В.Лебедева приводит тезис о том, что в сложившихся условиях инструментальной концепции «мягкой силы» исчерпан, соответственно, необходимо искать новые средства выражения. Речь идет о применении цифровых подходов (дипломатическое взаимодействие через Глобальную сеть, социальные сети и пр. [24, с. 102]. По мнению исследователя, с помощью «мягкого» воздействия цифровой инструментальной внешнеполитической деятельности позволяет добиваться ненавязчивого распространения государственных интересов по всему миру [24, с. 104].

Большой вклад в методологию и развитие феномена цифровой публичной дипломатии внесла профессор Н.А.Цветкова. Автор рассматривает изучение цифровой дипломатии через призму парадигм международных отношений — реализма и конструктивизма. Реалистическая концепция позволяет понять цели национальной безопасности и внешней политики, которые отражаются на государственной цифровой дипломатии и специфике информационных кампаний [26, с. 44], в то время как конструктивизм — глубину цифровой дипломатии в конкретной стране: настроения пользователей, их реакции и комментарии создают основу для понимания идентичностей и ценностей целевой аудитории по определенным политическим вопросам [26, с. 45]. Кроме того, при анализе внешней политики государств Н.А.Цветкова применяет понятие «дипломатии больших данных». Главным инструментом изучения «дипломатии больших данных» является сбор данных социальных сетей [22, с. 32]. Активное применение инструмента цифровой дипломатии во время политических кампаний повлияло на общественное мнение в Венесуэле, Боливии и Бразилии (2018—2020 гг.) [22, с. 29].

На сегодняшний день фактор пандемии и практически полный переход всего и вся в онлайн-формат стали стимулом для усиления цифровой дипломатии. Активное использование в России *Zoom* и развитие информационных технологий позволяют подключать участников из различных стран мира, в том числе из Латинской Америки, к участию в образовательных и научно-исследовательских мероприятиях. Тем не менее в ходе применения цифровой публичной дипломатии возникают некоторые негативные моменты: во-первых, падает уровень восприятия информации, тогда как при личном контакте меньше отвлекающих моментов; во-вторых, психологически снижается уровень восприятия собеседника с точки зрения невербальных контактов; в-третьих, онлайн-средства позволяют собеседникам не видеть друг друга. Все эти факторы снижают эффективность цифровой дипломатии. Однако применение цифровой публичной дипломатии продиктовано как объективными реалиями, связанными с пандемией *Covid-19*,

так и глобальными трендами в области развития информационных и цифровых технологий во внешней политике государств.

В этом контексте необходимо проанализировать специфику российских официальных и неофициальных институтов по продвижению публичной дипломатии в Латинской Америке на основе сравнительного анализа представленности на сайтах и в социальных сетях.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Придерживаясь концептуальной позиции М.М.Лебедевой [13] и Н.В.Бурлиновой [11], отметим, что в настоящее время Россия осуществляет взаимодействие с латиноамериканскими странами в области публичной дипломатии через официальные ведомства; некоммерческие/неправительственные организации, образовательные учреждения и научно-исследовательские центры.

Структура официальных ведомств публичной дипломатии такова:

— МИД РФ, включая Департамент по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями, в рамках которого существует отдел по взаимодействию с неправительственными организациями (информационно-аналитическая и сводная работа по линии российских НКО-международников); Департамент информации и печати (информационно-разъяснительная работа по линии публичной дипломатии); Департамент международных организаций (работа с международными организациями и НПО); Департамент по работе с соотечественниками за рубежом [11, с. 12], а также Латиноамериканский департамент. У этих подразделений нет отдельных аккаунтов в социальных сетях, они входят в общую систему информационной представленности и аккаунтов социальных сетей МИД;

— Парламент РФ (парламентское измерение публичной дипломатии) в лице Комитета Совета Федерации по международным делам и Комитета Государственной Думы по международным делам [11, с. 12]. Деятельность Комитета Совета Федерации направлена на продвижение и расширение парламентской дипломатии со странами *BRICS*, партнерами в Азии, Латинской Америке и Африке. Кроме того, особое внимание уделяется поддержке и защите прав российских граждан, проживающих за рубежом. Одним из направлений работы Комитета Государственной Думы является развитие межпарламентских связей со странами Южной и Центральной Америки и участие в деятельности Парламентского форума *BRICS*. В отличие от Комитета Государственной Думы, деятельность Комитета Совета Федерации не представлена на отдельном сайте и аккаунтами в социальных сетях. Работа последнего входит в общую информационную представленность и аккаунты социальных сетей Совета Федерации;

— Министерство науки и высшего образования РФ (в части содействия обучению иностранных студентов в России) [11, с. 13]. В рамках министерства действует Департамент международного сотрудничества, одним из направлений деятельности которого является координация взаимодей-

ствия с *BRICS* в области образования и поддержания устойчивого развития. У Департамента нет собственного сайта и аккаунта в социальных сетях; его работа отражена в общей системе информационной представленности и аккаунтов социальных сетей Минобрнауки.

Значимую роль по продвижению российской публичной дипломатии в странах Латинской Америки играет деятельность Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества), созданного в соответствии с Указом президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315. На сегодняшний день можно выделить основные направления работы Россотрудничества по продвижению публичной дипломатии в латиноамериканских странах. В области международного содействия в условиях пандемии *COVID-19* получателями помощи из России стали Бразилия и Венесуэла, Гватемала, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Панама и Сальвадор. Однако при доставке гуманитарной помощи в латиноамериканские страны РФ столкнулась с проблемой информирования касательно качества публикуемых госорганами сообщений о предоставлении гуманитарной помощи, а именно таких моментов как неполнота и неточность сведений о помощи. Так, например, проблема информирования касалась оказания Россией гуманитарной помощи Перу на предмет поставки тест-систем, о которой сообщал в интервью российский посол в этой стране [27, с. 14].

По мнению американского исследователя Эвана Эллиса, *COVID-19* выявил проблемы в системах государственного здравоохранения, усугубляемые социально-экономическими факторами, и слабую политическую реакцию на опасность пандемии в некоторых странах Латинской Америки. Э.Эллис прогнозирует негативный сценарий развития латиноамериканских государств, связанный с обострением многочисленных взаимозависимых проблем, приводящих к финансовым трудностям, росту количества бедных, активизации социальных волнений и левых популистских правительств, а также расширением присутствия КНР [28].

Несмотря на фактор Китая в регионе, латиноамериканские страны заинтересованы в поставках и производстве российской вакцины «Спутник V». На сегодняшний день «Спутник V» одобрена в более чем 65 государствах мира, среди которых Аргентина, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Парагвай, Мексика, Никарагуа, Гватемала, Гондурас [29]. Так, например, Аргентина уже наладила производство «Спутник V» с перспективой экспорта в другие страны региона [30]. Таким образом, можно говорить о развитии российской «дипломатии вакцины» латиноамериканских государствах.

Одним из ключевых направлений деятельности Россотрудничества является популяризация и изучение русского языка и культуры в странах Латинской Америки. В настоящее время в данном регионе по-русски говорят всего 0,2 млн человек [31], однако работа в этом направлении ведется. Так, на сегодняшний день представительства Россотрудничества действуют в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, на Кубе, в Мексике, Никарагуа, Перу и Чили. В основном эти представительства являются Российскими центрами культуры и науки, при которых работают курсы русского языка. При этом у каждого представительства Россотрудничества в Латинской Америке

есть отдельный сайт и аккаунты в социальных сетях. Кроме того, ежегодно на площадках российских центров науки и культуры в латиноамериканских странах проводятся различные мероприятия, среди которых можно отметить показы фильмов, выставки и фотовыставки, праздничные концерты и т.д. Однако все эти мероприятия, как правило, носят разовый характер и не имеют долгосрочного эффекта по продвижению российской дипломатии в странах региона.

В области образования Россотрудничество ежегодно реализует проекты и программы, направленные на экспорт российского образования, содействие развитию международного научного сотрудничества, привлечение иностранных граждан на обучение в РФ, а также взаимодействие с выпускниками российских (советских) вузов. За период 2019—2020 гг. при поддержке Россотрудничества были проведены две образовательные выставки российских вузов в Мексике и одна в Перу [32]. Согласно статистическим данным ведомства, количество заявлений на обучение в РФ в 2020/2021 учебном году, поданных молодыми людьми, проживающими в латиноамериканских странах, составляет 4%. Это — немного по сравнению, например, с заявлениями, поданными гражданами, живущими в Африке к югу от Сахары — 16%, и в странах Ближнего Востока и Северной Африки — 19% [33].

Кроме того, к информационному направлению публичной дипломатии относятся Международное информационное агентство «Россия сегодня», в которое, в том числе, входят *Sputnik* (международное новостное агентство) и система информационных каналов на иностранных языках *Russia Today (RT)* [11, с. 13]. Согласно сравнительному анализу сотрудника Лидского университета (Великобритания) Пабло Себастьяна Моралеса, Россия демонстрирует успехи в области публичной дипломатии на примере международных вещательных СМИ. По мнению П.С.Моралеса, российский канал *RT* более привлекателен и культурно близок латиноамериканцам, в частности, жителям Аргентина и Мексики, чем иранский *HispanTV* или китайский *CCTV* [34, р. 111].

Официальные институты российской публичной дипломатии (включая представительства Россотрудничества в странах Латинской) активно используют свои сайты и аккаунты в социальных сетях, в частности, *Facebook*, *Instagram* и *YouTube*. В отличие от американской системы публичной дипломатии российская публичная дипломатия мало использует *Twitter*.

Продвижение российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах осуществляют также и неправительственные организации. В вопросах продвижения российской публичной дипломатии в странах Латинской Америки Россотрудничество взаимодействует со старейшей общественной организацией «Российская ассоциация международного сотрудничества» (РАМС), членами которой являются Общество дружбы, культурного и делового сотрудничества с Бразилией, Российское общество дружбы с Кубой, Ассоциация друзей Латинской Америки и Карибского бассейна [35]. Вышеперечисленные организации не представлены в социальных сетях, за исключением РАМС.

График 1*

* Примечание. Министерство иностранных дел РФ, Совет Федерации РФ, Комитет по международным делам Государственной Думы РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Русский Дом в Буэнос-Айресе, Представитель (в составе Посольства) в Бразилии, Российский центр науки и культуры в Каракасе, Представитель (в составе Посольства) в Гаване, Представитель (в составе Посольства) в Мексике, Представитель (в составе Посольства) в Манагуа, Российский центр науки и культуры в Лиме, Российский центр науки и культуры в Сантьяго.

Источник: составлено автором.

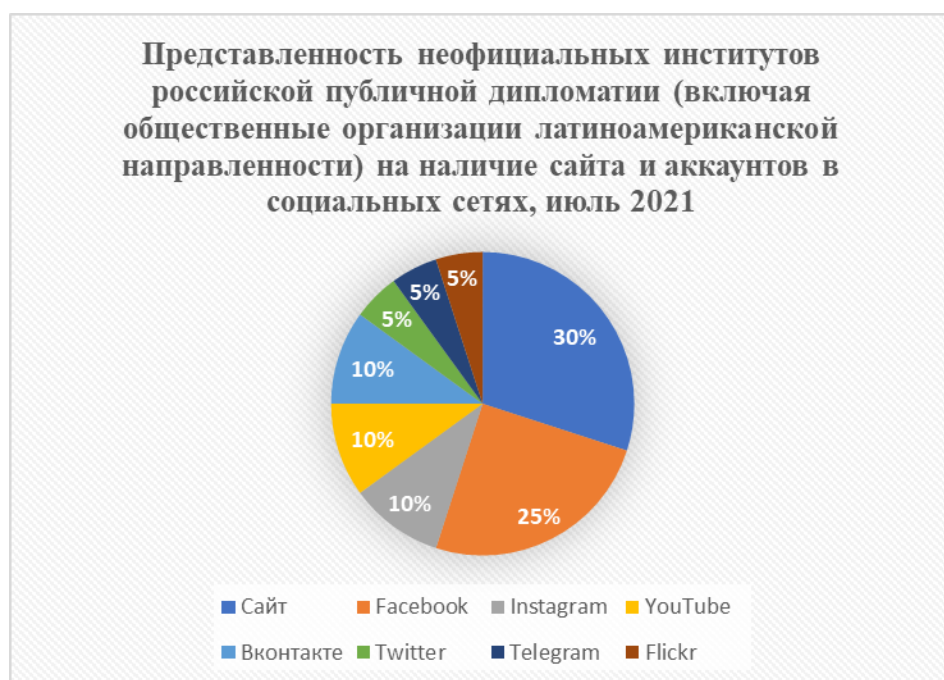
Одной из ключевых организаций по продвижению публичной дипломатии России в странах Латинской Америки в сфере культуры является Фонд «Русский мир». Фонд был основан во исполнение указа президента РФ от 21 июня 2007 г. Цели фонда заключаются в популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержке программ его изучения. Фонд взаимодействует с общественными и некоммерческими организациями, профессиональными объединениями, научными и образовательными учреждениями, Русской православной церковью и другими конфессиями [36].

На сегодняшний день в рамках фонда «Русский мир» действует 50 русских центров по всему миру, 5 из которых находятся в Латинской Америке (Аргентина, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Эквадор) [37]. У русских центров фонда почти нет своих сайтов и аккаунтов в социальных сетях. Помимо центров действует целевая программа фонда «Кабинеты Русского мира», направленная на поддержание деятельности некоммерческих организаций по продвижению русского языка и популяризации русской литературы и культуры. Кабинеты Русского мира работают в Аргентине, Бразилии, Колумбии, на Кубе, в Перу и Чили [38]. Фонд активно занимается публицистической деятельностью. Кроме того, в его рамках действуют собственная телерадиокомпания и Интернет-радиоканал о России, Русском мире, русском языке и культуре.

В 2010 г. в России появилось два ключевых института публичной дипломатии: Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова и Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам». Первый из них был создан во исполнение распоряжения президента России от 2 февраля 2010 г. № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова» и в соответствии с приказом Министерства иностранных дел Российской Федерации от 31 мая 2010 г. № 7946. Деятельность фонда направлена на поддержку публичной дипломатии, содействие участию российских НПО в международном сотрудничестве, активное вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс. Одной из стратегических целей является то, что фонд формирует финансовые и иные средства и направляет их на реализацию проектов международного сотрудничества НПО как в рамках своей деятельности, так и во взаимодействии с другими общественными и государственными институтами [39]. Таким образом, фонд предоставляет гранты в целях продвижения публичной дипломатии для НПО. В рамках поддержки публичной дипломатии и улучшения внешнеполитического имиджа России за рубежом фонд проводит конференции, лекции и встречи по внешнеполитической проблематике, в которых принимают участие авторитетные отечественные и зарубежные эксперты в области международных отношений [40, с. 133]. У фонда есть официальный сайт и аккаунт в социальных сетях. Кроме того, фонд участвует в различных общественных и научных мероприятиях по латиноамериканскому направлению с учетом современных тенденций. В этой связи, например, член фонда Александр Коньков, выступая с докладом на IV международном форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность», проходившем в Санкт-Петербурге с 1 по 3 октября 2019 г., отметил, что в области продвижения российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах необходимо в первую очередь задействовать «возможности цифровой дипломатии, для которой географические препятствия весьма условны» [41]. На сегодняшний день Иberoамериканский форум можно рассматривать в качестве ключевой дискуссионной площадки, где собираются представители дипломатического корпуса, академического сообщества, НПО и независимые эксперты.

В настоящее время одним из важнейших российских научно-экспертных центров по продвижению российской публичной дипломатии является Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (РСМД), созданное в соответствии с распоряжением президента РФ от 2 февраля 2010 г. № 59-рп. Работа этой организации нацелена на содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами и призвана служить предотвращению международных конфликтов и кризисному регулированию [42]. Международная деятельность РСМД направлена на создание благоприятных условий вовлечения России в глобальный мир через реализацию многосторонних сетевых проектов и инициатив [40, с. 133]. Одним из направлений деятельности РСМД является исследование процессов и прогнозирование ситуации в Латинской Америке. По этому направлению издаются аналитические статьи, доклады, новости, комментарии и пр. В отличие от фонда «Русский мир» и Фонда А.М.Горчакова, РСМД достаточно широко представлен в социальных сетях.

График 2*

* Примечание. Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС), Общество дружбы, культурного и делового сотрудничества с Бразилией, Российское общество дружбы с Кубой, Ассоциация друзей Латинской Америки и Карибского бассейна, Русский центр университета Буэнос-Айреса (Аргентина), Русский центр палаты по туризму и торговле Коста-Рика-Россия, Русский центр Национальной библиотеки им. Хосе Марти (Куба), Русский центр университета Гуаякиля (Эквадор), Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова, Российский совет по международным делам (РСМД).

Источник: составлено автором.

В отличие от официальных институтов российской публичной дипломатии неофициальные институты, особенно общественные организации латиноамериканской направленности, слабо представлены в социальных сетях, у них обычно нет своих сайтов (например, Общество дружбы, культурного и делового сотрудничества с Бразилией, Ассоциация друзей Латинской Америки и Карибского бассейна вообще не имеют собственного сайта и аккаунтов в социальных сетях).

В целом сравнительный анализ графиков 1 и 2 показывает, что в деятельности официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии из социальных сетей больше всего используется *Facebook*.

Помимо общественных некоммерческих организаций большой вклад в продвижение научного направления публичной дипломатии в странах Латинской Америки вносят такие российские академические институты и аналитические центры, как Российский институт стратегических исследований (РИСИ) [11, с. 13], Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО МИД РФ), Институт Латинской Америки (ИЛА) РАН, Центр ибероамериканских исследований СПбГУ и др.

Латинская Америка рассматривается сегодня в качестве одного из формирующихся центров многополярного мира, с которым Россия готова вести прагматичный диалог как в двустороннем, так и многостороннем (на примере ЕАЭС) формате. Исследование российской публичной дипломатии в Латинской Америке строится на междисциплинарном подходе. По мнению ряда зарубежных и отечественных авторов, российская публичная дипломатия, на примере российско-венесуэльских отношений, демонстрирует отстаивание интересов российских энергетических и экономических компаний во внешней политике и, таким образом, речь идет о повышении привлекательности экономической дипломатии. В статье была выявлена конкурентоспособность российских международных вещательных СМИ в области обеспечения внешнеполитических интересов России в Латинской Америке.

В условиях пандемии *COVID-19* повышается фактор информационно-коммуникационных средств и цифровизации. Сравнительный анализ официальных и неофициальных российских институтов публичной дипломатии на наличие информационных ресурсов и аккаунтов в социальных сетях показывает, что официальное направление российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах представлено шире, в большинстве случаев включено в общую систему международных связей и, как правило, не представлено отдельными страницами или аккаунтами в социальных сетях. При этом наибольшей популярностью среди официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии пользуется социальная сеть *Facebook*. Деятельность по продвижению российского гуманитарного сотрудничества с латиноамериканскими странами в основном возложена на Россотрудничество, которое взаимодействует с неофициальными институтами. В целом латиноамериканскому направлению российской публичной дипломатии не хватает системности и представленности неофициальных институтов на информационном пространстве и в социаль-

ных сетях. Существенным недостатком деятельности российской публичной дипломатии является то, что проводимые мероприятия не оказывают долгосрочного эффекта на латиноамериканскую общественность.

Однако на сегодняшний день в условиях ковидной реальности Россия демонстрирует успех от экспорта и производства «Спутник V» в латиноамериканских странах в контексте гуманитарного сотрудничества и «дипломатии вакцины». Кроме того, существует потенциал для продвижения российской публичной дипломатии в странах Латинской Америки через научно-экспертные учреждения и вузы.

На сегодняшний день ключевой задачей России является выстраивание комплексной или плюралистической системы публичной дипломатии с усилением цифровых инструментов в целях повышения эффективности работы за рубежом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых. *Латинская Америка*. М., 2021, № 5, сс. 50-68 [Jeifets V.L. Mesto Latinskoj Ameriki v mnogopolyarnom mire: vzglyady i podhody rossijskih uchenyh [The place of Latin America in a multipolar views and approaches of Russian researches]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 5, pp.50–68 (In Russ.).
2. Щетинин А.В. Латинская Америка – неизменно важное направление внешней политики России, *Латинская Америка*, М., 2019, № 7, сс.40-47 [A.V. Shechetinin. Latinskaya Amerika – neizmenno vazhnoe napravlenie vneshnej politiki Rossii [Latin America: constant focus of the Russian foreign policy]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2019, N 7, pp.49–47 (In Russ.).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (accessed 07.07.2021).
4. Березина Е.К., Торопыгин А.В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка. *Управленческое консультирование*, СПб., 2021, № 3, сс.43-57 [Berezina E.K., Toropygin A.V. EAES rasshiryayet mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: napravlenie — Latinskaya Amerika [EAEU Expands International Cooperation: Latin American Trend]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, Saint Petersburg, 2021, N 3, pp.43–57 (In Russ.).
5. Коваль А.Г. Перспективы торговли России со странами Тихоокеанского альянса, *Международная экономика*, М., 2018, № 15, сс.46-56. [Koval A. Perspektivy trgovli Rossi so stranami Tihookenskogo al'yansa [Prospects for the Russia's trade with Pacific alliance countries]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, Moscow, 2018, N 15, pp.46–56 (In Russ.).
6. Осипка В. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies. *European Journal of Communication*, 2018, Vol. 33, N 3, pp. 290–303.
7. Бережная М.И., Щегорцов В.А. Публичная дипломатия как тренд мирового глобального развития. *Экономика и политика*. Магнитогорск, 2014, № 1(2), сс. 22–30 [Berezhnaya M.I., Schegortsov V.A. Publichnaya diplomatiya kak trend mirovogo global'nogo razvitiya [Public diplomacy as a trend of the world global development]. *Ekonomika i politika*. Magnitogorsk, 2014, N 1(2), pp. 22–30 (In Russ.).
8. Kadir Jun Ayhan. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives. *International Studies Perspectives*, 2019, Vol. 20, N 1, pp. 63–83.
9. Kadir Jun A. Connecting Public Diplomacy and Foreign Policy. *International Studies Review*, 2018. Vol. 20, N 3, pp. 539–540.
10. Nye J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2018, Vol. 616, Issue 1, pp. 94–109.
11. Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020. Н.Бурлинова, П.Василенко, В.Иванченко, О.Шакиров. Российский совет по международным делам (РСМД), М, НП РСМД, 2020, 58 с. [Burlinova N, Vasilenko P., Ivanchenko V., Shakirov O. Ekspertnyj obzor rossijskoj publichnoj diplomatii v 2018-2019 gg. 10 shagov na puti k effektivnoj

publichnoy diplomatii Rossii: doklad 52/2020 [Expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019. 10 Steps towards effective public diplomacy in Russia: Report 52/2020]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moscow, NP RSMD, 2020, 58 p. (In Russ.).

12. Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога. *Международная жизнь*. М., 2016, № 2, сс. 154–164. [Velikaya A. Publichnaya diplomatiya kak instrument mezhdunarodnogo dialoga [Public Diplomacy as an Instrument of International Dialogue]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Moscow, 2016. N 2, pp. 154–164 (In Russ.).

13. Публичная дипломатия: Теория и практика. Под ред. М.М.Лебедевой. Москва, Аспект Пресс, 2017, 272 с. [Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika [Public diplomacy: theory and practice]. Ed. M.M.Lebedeva. Moscow, Aspect Press, 2017, 272 p.

14. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy, *Politics*, 2015, Vol.35, Issue 3-4, pp. 347–363.

15. Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I. Venezuela in U.S. public diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, democratization, and the digitalization of politics. *Cogent Social Sciences*, 2019, Vol.5, No 1, pp. 1–15.

16. Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы». *Вестник Московского государственного университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. М., 2018, т.10, №1, сс.165–184. [Belov S.I. Problemy i perspektivy izmereniya «myagkoj sily» [Methods of measuring 'soft power']. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. Moscow, 2018, Vol.10, N 1, pp. 165–184 (In Russ.).

17. Борисов А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания. *Проблемы постсоветского пространства*. М., 2020, т.7, № 2, сс. 130–141. Borisov A.V. «Myagkaya sila»: specifika otechestvennogo ponimaniya ["Soft Power": Specificities of domestic understanding]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. Moscow, 2020, Vol.7, N 2, pp. 130–141 (In Russ.).

18. Розенталь Д.М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы. *Латинская Америка*. М., 2018, № 10, сс. 49–60. [Rozenal D.M. Venesuel'skij uzel v latinoamerikanskoj politike Moskvy [The Venezuelan Node in the Latin American Policy of Moscow]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2018, N 10, pp. 49–60 (In Russ.).

19. Rouvinski V. Russia's Continuing Engagement with Venezuela in 2019 and Beyond - An Update. Woodrow Wilson International Center Latin American Program, Kennan Institute, 2020, 16 p.

20. Rozenal D.M., Jeifets V.L. Venezuela's Foreign Policy in the Situation of Instability, *Iberoamérica*, 2018, N 4, pp. 53–76.

21. Blank S.J. Russia is meddling in Latin America, too. *The Hill*, 20.11.2017. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/361148-russias-is-meddling-in-latin-america-too> (accessed 08.07.2021).

22. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. М., 2020, № 4, сс. 27–44. [Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Fenomen diplomatii bol'shikh dannyh v mirovoj politike [Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics]. Moscow, *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*, 2020, N 4, pp. 27–44 (In Russ.).

23. Krasnyak O. Foreign Ministry's Spokesperson in Public Diplomacy: A Case of Russia, *Russian Journal of Communication*, 2020, N 12(2), pp. 155-170.

24. Лебедева О.В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент. *Международная жизнь*, М., 2019, № 5, сс.102-111 [Lebedeva O.V. Sovremennye instrumenty «cifrovoj diplomatii» kak vazhnejshij element [Modern tools of «digital diplomacy» as an important element]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Moscow, 2019, N 5, pp.102-111 (In Russ.).

25. Рябиченко А. Цифровая дипломатия вчера и сегодня. *Российский совет по международным делам (РМСД)* [Ryabichenko A. Cifrovaya diplomatiya vchera i segodnya [Digital diplomacy yesterday and today *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RMSD)*, 16.11.2018. (In Russ.). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/co-lumns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (accessed 08.07.2021).

26. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. М., 2020, № 2, сс. 37–47 [Tsvetkova N.A. Fenomen cifrovoj diplomatii v mezhdunarodnyh otnosheniyah i metodologiya ego izucheniya [The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology]. Moscow, *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*, 2020, N 2, pp. 37–47 (In Russ.).

27. Шакиров О.И., Петросян М. К, Соловьев Д.Б. Гуманитарная помощь против коронавируса. Кому и как помогала Россия во время пандемии COVID-19? М., ЦПУР, 2020, 17 с. [Shakirov O.I, Petrosyan M.K, Solov'ev D.B. Gumanitarnaya pomoshh' protiv koronavirusa. Komu i kak pomogala Rossiya vo vremya pandemii [Humanitarian aid against coronavirus. Whom and how did Russia help during the COVID-19 pandemic?] Moscow, CzPUR, 17 p. (In Russ.).
28. Ellis E. The challenges facing Latin America after COVID. *Foreign Policy Research Institute. Part 1*, 05.02.2021. Available at: <https://www.fpri.org/article/2021/02/the-challenges-facing-latin-america-after-covid-part-1/> (accessed 06.07.2021).
29. Российский фонд прямых инвестиций. [Rossijskij fond prjamyh investicij [Russian Direct Investment Fund]. (In Russ.). Available at: <https://rdif.ru/COVID-19/> (accessed 02.07.2021).
30. В Аргентине началось производство вакцины "Спутник V". ТАСС, 20.04.2021. [V Argentine nachalos' proizvodstvo vakciny "Sputnik V" [Production of the Sputnik V vaccine has begun in Argentina]. TASS, 20.04.2021. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/ekonomika/11199383> (accessed 13.07.2021).
31. Укрепление позиций русского языка. Россотрудничество. [Ukreplenie pozicij russkogo jazyka [Strengthening the position of the Russian language]. Rossotrudnichestvo (In Russ.). Available at: <https://rs.gov.ru/ru/activities/9> (accessed 09.07.2021).
32. Календарь образовательных выставок 2019-2020. Россотрудничество. [Kalendar' obrazovatel'nyh vystavok 2019-2020 [Calendar of educational exhibitions 2019-2020]. Rossotrudnichestvo. (In Russ.). Available at: <https://rs.gov.ru/ru/activities/10/projects/2274> (accessed 09.07.2021).
33. Инфографика: Экспорт российского образования. Россотрудничество. [Infografika: Jeksport rossijskogo obrazovanija [Infographics: Export of Russian education]. Rossotrudnichestvo. (In Russ.). Available at: <https://rs.gov.ru/ru/activities/10/projects/2999> (accessed 09.07.2021).
34. Morales P.S. International broadcasters and country image management: Comparing audience perceptions of China, Russia and Iran in Latin America, *Global Media and China*, 2021, N 6 (1), pp. 100–115.
35. Члены Российской ассоциации международного сотрудничества. РАМС. [Chleny Rossijskoj associacii mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Members of the Russian Association for International Cooperation]. RAMS. (In Russ.). Available at: <http://rams-international.ru/members/> (accessed 09.07.2021).
36. Устав Фонда «Русский мир» от 28 марта 2019 года. Русский мир. [Ustav Fonda «Russkij mir» ot 28 marta 2019 goda. [The Charter of the Russian World Foundation dated March 28, 2019]. Russkij mir. (In Russ.). Available at: <https://russkiymir.ru/ustav.pdf> (accessed 09.07.2021).
37. Каталог Русских центров. Русский мир. [Katalog Russkih centrov [Catalog of Russian centers]. Russkij mir. (In Russ.). Available at: <https://russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php> (accessed 09.07.2021).
38. Кабинеты Русского мира. Русский мир. [Kabinety Russkogo mira [Offices of the Russian world]. Russkij mir. (In Russ.). Available at: <https://russkiymir.ru/rucenter/cabinet.php> (accessed 09.07.2021).
39. Устав Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова от 5 февраля 2013 года. Фонд Горчакова. [Ustav Fonda podderzhki publichnoj diplomatii imeni A.M.Gorchakova ot 5 fevral'ja 2013 goda [The Charter of the A. M. Gorchakov Public Diplomacy Support Fund dated February 5, 2013]. Fond Gorchakova. (In Russ.). Available at: <https://gorchakovfund.ru/upload/files/69c95363c73daf2ea08a230313f75559.pdf> (accessed 09.07.2021).
40. Лебедева О.В. История возникновения института публичной дипломатии в России. *Международная жизнь*. М., 2016, № 2, сс. 125–135. [Lebedeva O.V. Istoriya vzniknoveniya instituta publichnoj diplomatii v Rossii [The history of the emergence of the institution of public diplomacy in Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Moscow, 2016, N 2, pp. 125–135 (In Russ.).
41. Член Клуба Горчакова выступил на международном форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире». Фонд Горчакова. [Chlen Kluba Gorchakova vystupil na mezhdunarodnom форуме «Rossija i Iberoamerika v globalizirujushemsja mire» [A member of the Gorchakov Club spoke at the international forum "Russia and Iberoamerica in a Globalizing World"]. 02.10.2019. Fond Gorchakova. (In Russ.). Available at: <https://gorchakov->

fund.ru/news/view/chlen-kluba-gorchakova-vystupil-na-mezhdunarodnom-forume-rossiya-i-ibero-amerika-v-globaliziruyushche/ (accessed 09.07.2021).

42. Устав Российского совета по международным делам. РСМД. [Ustav Rossijskogo so- veta po mezhhdunarodnym delam [Charter of the Russian International Affairs Council]. RSMD. (In Russ.). Available at: <https://russiancouncil.ru/about/regulations/> (accessed 09.07.2021).

Elizaveta K. Berezina (berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta95@mail.ru)

Senior specialist of the Center for international project activities under the Department of International Cooperation of NWIM RANEPА, North-West Institute of Management (NWIM RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation

Russian public diplomacy in Latin America: specifics and institutions

Abstract. The article examines the conceptual foundations of Russian "soft power" and the specifics of public diplomacy in the context of relations with the countries of Latin America. The study provides a comparative analysis of the representation of official and unofficial institutions for the availability of information resources and social networks to promote Russian public diplomacy in Latin America. On the example of Venezuela, it was revealed that Russia actively uses and develops the economic direction of public diplomacy in the context of "soft power". The author has concluded that in order to increase the effectiveness of public diplomacy in Latin America, Russia needs to develop more the representation of unofficial institutions on information resources and social networks. At the same time, the author argues that in connection with the Covid-19 pandemic that began in 2020, there is a significant potential to promote vaccine diplomacy and the development of the expert direction of Russian public diplomacy in Latin America.

Key words: *COVID-19* pandemic, multipolarity, soft power, digital public diplomacy.

DOI: 10.31857/S0044748X0015181-8

Received 23.03.2021.